

«Не было ни гроша, да вдруг алтын»

Комедия Островского «Не было ни гроша, да вдруг алтын» была написана в 1872 году, но действие ее, как гласит авторская ремарка, «происходит 30 лет назад» В той же ремарке обозначено и место действия – «на самом краю Москвы».

На сцене, декорация которой остается неизменной на протяжении всех пяти актов, три домовладения. В центре бакалейно-овощная лавка купца Истукария Лупыча Епишкина, который под этой благовидной вывеской ведет «опасную» торговлю «темным» товаром, а в свободное время измывается над женой и дочерью. Первая не без юмора называет себя «ученой женщиной» («я себе все ученья видела от супруга ... Ты спроси только, чем я ни бита? И кочергой бита, и поленом бита, и об печку бита, только печкой не бита»), а вторая – при телесной пышности – «разумом недостаточна и разговором нескладна». «Полудурье», – так характеризует свою дочку мамаша, а отец трактует ее как «залежавшийся товар» и вместе с женой не чает сбыть ее замуж, о чем томительно мечтает и сама великовозрастная красавица.

Рядом с лавкой купца Епишкина ютится ветхий домишко мешанки-вдовы Мигачевой, первой вестовщицы в околотке и матери великовозрастного, но тоже несовершенно разумом сына – блаженного простачка Елеси, умеющего только птиц ловить, да рыбу удить и вечно напевающего «Чирика». А, напротив, в старом и мрачном каменном доме обитает, не менее старый и мрачный, отставной подьячий Крутицкий. Матерый взяточник в прошлом, а затем тайный ростовщик, этот отставной подьячий производит жуткое впечатление, как достойный собрат гоголевского Плюшкина. Тщательно тая свои огромные богатства даже от собственной жены, которую он всю жизнь проморил голодом, этот замоскворецкий Гарпагон симулирует нищенство и ходит постоянно в фантастически ветхой шинели, боясь с ней расстаться потому, что вся она выстегана ассигнациями.

Такова коллекция уродливых порождений «дореформенной» русской жизни, дополняемая колоритными фигурами квартального Тигрия Львовича

Лютова и «мелкого стряпчего из мещан» Петровича. Симпатию из перечисленных персонажей вызывают лишь глубоко несчастная жена ростовщика да отчасти веселый птицелов Елеся, сквозь «простоту» которого проступают элементы подлинной человечности. Но есть в пьесе и еще одна живая душа, судьба которой является движущей силой всей комедии, окрашивая ее в подлинно драматические тона. Это – племянница Крутицкого, Настя, вынужденная поселиться у него в доме после того, как ее, сироту, прогнала от себя богатая родственница, возненавидевшая Настю за то, что она оказалась красивее ее родных дочерей.

Сама по себе это – недалекая девушка, привыкшая в легкой и беззаботной жизни, но когда перед ней, из-за феноменальной скупости дяди, обозначилась, как единственно возможная перспектива «спасения», участь содержанки богатого купца Разновезова. Настя переживает это трагически и самым искренним образом готова умереть. Благополучная для нее развязка приходит совсем неожиданно. Ростовщик Крутицкий потерял однажды часть содержимого своей заветной шинели и в отчаянии повесился. Тайна шинели была при этом обнаружена и Настя, став богатой невестой, получает возможность выйти замуж за героя своего романа Баклушина. Повезло и Елесе, который, найдя потерянные ростовщиком деньги, оказался подходящим зятем для купца Епишкина.

Великий гуманист и оптимист, Островский любил иногда хорошие, благополучные концы. Но Настя и Елеся – с их относительной положительностью – слишком заурядные люди, чтобы награждать их настоящим, большим счастьем, о котором, к тому же, они и понятия надлежащего не имеют. И вот драматург наделяет своих маленьких героев маленьким счастьем, соразмерно с их человеческими масштабами. Невзыскательная и пустенькая Настя выходит замуж за своего Баклушина (который хотя и любил Настю, но согласился жениться на той лишь тогда, когда она вдруг оказалась богатой невестой), а «блаженный» Елеся женится на придурковатой, но богатой Ларисе. Что и говорить, в обоих случаях счастье невелико, но и алтын – деньги, если прежде не было ни гроша. Отсюда и заглавие комедии, не лишённое добродушной и вместе с тем немного грустной иронии.

Свердловский театр юного зрителя (вторично гастролирующий в Чкалове) зарекомендовал себя удачными постановками современных пьес, – достаточно сослаться на прекрасно поставленную пьесу «Павел Морозов», которой открылись гастроли театра в этом сезоне. Не менее удачными следует признать и его постановки классических пьес, в частности пьес Островского. В прошлом сезоне хорошо была поставлена «Женитьба Бальзаминова», такую же оценку следует дать и показанному на днях спектаклю «Не было ни гроша, да вдруг алтын» (постановка художественного руководителя К. Бережного).

Пьеса поставлена без особых режиссерских затей и ухищрений, поставлена попросту, но хорошо. Типаж пьесы истолкован правильно и подан без гротесковых преувеличений, но ярко и сочно; колорит места и времени выдержан умело; великолепный текст Островского произносится превосходно (за вычетом немногих мелких погрешностей); идейно-смысловая акцентировка верная; темпы не затянуты. В результате спектакль смотрится с большим интересом и его идейно-общественный смысл легко доходит до зрителя (в том числе и юного).

Как и в большинстве спектаклей театра, в рецензируемом спектакле есть ансамбль, т. е. дружная согласованная и ровная игра большинства исполнителей. Но на некоторых следует остановиться особо. Так, выделяются интересными рисунками своих ролей и красочностью игры Макалаянас (Елеся) и Невоструева (Лариса). Вероятно, возможны и иные сценические воплощения этих ролей, но когда смотришь их игру, то кажется, что их воплощения единственно правильны и, так сказать адекватны образам пьесы, – настолько убедительна игра названных артистов. Запоминаются Фанбулова (мещанка Мигачева) и Мишанова (купчиха Епишкина), создающие образы тоже достаточно убедительные и в меру гиперболизированные. Недостатком Мишановой можно считать лишь не вполне типичное московское произношение.

С большим проникновением и пониманием внутренней значительности своей роли играет Малаховская (жена Крутицкого). Она ведет свою роль так, что именно на ней держится общественно-идейная нагрузка пьесы, как тому и

следует быть, именно в таком исполнении роль Анны Тихоновны придает надлежащую серьезность этой комедийной пьесе, подчеркивая заложенные в ней драматические моменты. Хорош и Лавров в роли купца Епишкина.

Прокаев (Крутицкий) играет очень добросовестно и старательно и видно, что роль свою он понимает правильно, но в сценической проекции ее нет надлежащей органичности, нет той убедительности, которая бывает при настоящем вживании в роль.

Решительное возражение вызывает Деев-Баклушин, который, вопреки самой фамилии персонажа, дает отнюдь не «совершеннейшего шалопаю», а какого-то очень благовоспитанного резонера.

Некоторое недоумение вызывает исключение из пьесы сцены с появлением «солидной личности» – купца Разновесова. Думается, что эта купюра не оправдывается ни соображениями педагогического порядка, ни тем более соображениями экономии во времени, так как вся эта сцена удлиняла бы время спектакля не больше чем на пять минут, а между тем отсутствие ее несколько затемняет смысл той «опасности», которая угрожает Насте.

Н. Прянишников